

ПРАВО КАК МИФОЛОГИЯ: 32 КОММЕНТАРИЯ

Толстых Владислав Леонидович

Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета (Новосибирск), доктор юридических наук, e-mail: vlt73@mail.ru

Статья продолжает и развивает идеи, высказанные в двух предыдущих статьях, посвященных правовой мифологии. Она представляет собой четыре группы комментариев, объединенных по предметному принципу (религия, искусство, политика, миф per se). Большинство комментариев касаются не собственно права, а базовых или смежных вопросов; они, тем не менее, раскрывают общую логику мифа – ту, которая действует и в сфере права. Общая идея первой части комментариев состоит в том, что матрицу мифологической структуры образует христианство, открывающее перспективу снисхождения от духа к материи. Вторая часть демонстрирует, как развитие мифологической структуры отражается в искусстве. В третьей части рассматриваются связи между религиозными мифами и политическими формами, мимикрия политического мифа и проблема его преодоления. В четвертой части затрагиваются проблемы мифологического мышления, жизнедеятельности в пространстве мифа, языка и некоторые другие.

Ключевые слова: правовая мифология, религия, политика, искусство, демократия, государство, юриспруденция, политическая эмансипация, язык

LAW AS A MYTHOLOGY: 32 COMMENTS

Tolstykh Vladislav

Leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences, e-mail: vlt73@mail.ru

The article continues and develops the ideas expressed in two previous articles on legal mythology. It consists of four groups of comments combined according to the topic (religion, art, politics, myth per se). Most of the comments are focused not on the law itself but on the basic or related issues; nevertheless, they reveal the general logic of the myth which operates in the field of law as well. The general idea of the first part of comments is that Christianity forms the matrix of the mythological structure, which offers the prospect of the condescension from spirit to matter. The second part demonstrates how the development of the mythological structure is reflected in art. The third part examines the relations between religious myths and political forms, mimicry of political myths and problem of overcoming it. The fourth part deals with the problems of mythological thinking, vital activity in the mythological space, language and some other problems.

Key words: legal mythology, religion, politics, art, democracy, state, jurisprudence, political emancipation, language

Введение

Настоящая статья продолжает и развивает идеи, высказанные в двух предыдущих статьях, посвященных правовой мифологии¹. Она представляет собой четыре группы

¹ Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 32–47; Его же. Пять уровней международно-правовой мифологии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3–4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1472>; <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1506>.

комментариев, объединенных по предметному принципу (религия, искусство, политика, миф *per se*). Данные комментарии не образуют строгих последовательностей, за исключением комментариев, посвященных искусству. Большинство касаются не собственно права, а базовых или смежных вопросов; они, тем не менее, раскрывают общую логику мифа – ту, которая действует, в том числе, в сфере права.

Религия

1. С момента рождения человек обладает запасом энергии, постепенно расходуемым на протяжении жизни. Мифы образуют каналы, по которым эта энергия уходит (снисходит), и, таким образом, определяют все аспекты жизнедеятельности: политику, культуру, экономику и др. Язычество и буддизм постулируют, что человек и даже бог есть материя; открываемая ими экзистенциальная перспектива в связи с этим состоит в очищении от материи (*восхождении и преображении*). В язычестве это путь *героя*, который совершает богоравные деяния, но в итоге все равно становится тенью¹ и лишь в исключительных случаях – богом, как это случилось с Гераклом. В буддизме это достижение Нирваны, т. е. полное разъединение с материей и последующий выход из сансары.

2. Христианство (в его ренессансной интерпретации) подчеркивает богоподобие человека; открываемая им перспектива в связи с этим обратная и состоит в *снисхождении* от духа к материи (человек неявно ассоциируется с Христом). Это предполагает интенсивное и разнообразное взаимодействие с материей, ее переустройство и в пределе создание новой природы и нового разума (технологий); таким образом человек реализует свое богоподобие, становится вечным (присносущим), вездесущим, творцом, хозяином мира, источником любви и т. д. Вопрос о посмертной доле отодвинут на задний план – не только потому, что он вызывает дискомфорт, но и потому, что он логически несовместим с претензией на богоподобие (отсюда – отсутствие старости в культурологическом смысле).

3. Альтернативой являются древние гностические прочтения, в рамках которых, снисходя от духа к материи, человек повторяет не путь Христа, а путь гностической Софии, т. е. отпадает от Бога и забывает его². Его задачей, следовательно, является не реализация богоподобия, а преодоление искушения материей путем приобщения к божественной энергии. За это ему обещан посмертный рай, где он воссоединится с Богом и более не будет подвергнут испытанию свободой. Эти интерпретации, с одной стороны, исключают друг друга, а с другой – наслаиваются друг на друга, сосуществуют и в равной степени используются богословием³. Дихотомия христианства задает дихотомию других элементов дискурса (например, права, колеблющегося между апологией и утопией).

4. Эта дихотомия вооружает христианство сложной и изощренной риторикой, но при этом ставит его в уязвимое положение, так как иные религии (например, ислам) часто предлагают более убедительные и последовательные ответы на важные онтологические и экзистенциальные вопросы (в то время как христианство вынуждено оставаться экзотеричным). Христианство, однако, имеет ресурс второго порядка – деньги, государственность, технологии и другие созданные в результате ренессансной интерпретации культурные продукты, которые являются тем более эффективными его проводниками (точнее, его *структуры*), чем менее это явно. Ислам и иные альтернативы оказываются перед почти неразрешимой проблемой: как победить христианство, не используя его производные.

¹ Умерший Ахиллес говорит Одиссею: «Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле, // Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, // Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый!» (*Гомер. Одиссея* / пер. В. Жуковского. М., 1981. С. 182).

² «Заблудшая Божественная Мудрость, София, пала жертвой собственной глупости, блуждая в пустоте и темноте собственного становления, бесконечно познавая, стеная, страдая, раскаиваясь, претворяя свою страсть в материя, свою тоску – в духовность» (*Йонас Г. Гностицизм*. СПб., 1998. С. 6).

³ По мнению ряда исследователей, Евангелие от Иоанна несет отпечаток гнозиса, в то время как синоптические Евангелия происходят из одного источника (*Алексеев Д. Античное христианство и гностицизм // Евангелие истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний*. Ростов н/Д, 2008. С. 15–62; *Rudolph K. Gnosis: the Nature and History of Gnosticism*. San-Francisco, 1987).

5. Переход от язычества к христианству является закономерным этапом глобального нарратива: христианство едва ли возникло, если бы язычество не создало для этого необходимое условие, *возвысив* человека над материей и предопределив этим его дальнейшее *снисхождение*¹. Христианство, таким образом, не только отрицает, но и продолжает язычество; его семена присутствуют в отдельных элементах язычества (например, в культе Диониса). Автоматизм и неизбежность данного перехода обесценивают *содержание* христианства, которое предстает уже не как откровение, а как механистическая функция истории; сама история при этом предстает не как постепенное освобождение человека, а как циклический и детерминированный процесс – как некая *работа*.

6. Миф о технологиях знаменует обратный переход: богоподобие переходит в богоравенство, а богоравенство выражается в создании творения (технологий), отрицающего и подчиняющего своего создателя, благодаря чему появляется новая точка отчета и открывается новый экзистенциальный горизонт, предполагающий очищение от материи (борьбу с технологиями) и новое восхождение. Речь, таким образом, идет о создании необходимой предпосылки для нового оригинального язычества. С другой стороны, данный миф может знаменовать гибель человечества (во всяком случае *этого*) и завершение уже не исторического, а *онтологического* цикла (разъединение духа и материи и исчезновение времени). Это ставит иной вопрос – о *спасении* (а не о социальной реформе).

7. Колебания нарратива (схождение – восхождение) обусловлены не только изменением (сопротивлением) реальности, на которую воздействует миф, но и предрасположенностью к колебанию самого мифа. Это связано с тем, что миф, по сути, является *восприятием реальности*: каждый раз, когда реальность полностью раскрывается, восприятие меняет направление и объект (как правило, *противоположно*) и создает новую перспективу. Активность реальности и активность мифа синхронизируются: конфликт между ними становится неизбежным. Особенность переходных периодов (например, постмодерна) состоит в размывании восприятия (мифа) за счет совмещения двух картин (старой и новой); отсюда – отсутствие твердых установок и принятие этого как ценности.

8. Матрицу мифологической структуры, таким образом, образует христианство (и вообще любая религия), формирующее представление о природе человека и мира. Это представление определяет все элементы дискурса, делая мнимыми (искусственными и второстепенными) конфликты внутри него (между консерватизмом и либерализмом, религией и атеизмом и т. п.). Отсюда – большое значение фрагментов, связанных с данной матрицей: древних территорий, городов, наций, учений, символов, вызовов, конфликтов и т. п. История – многослойна: ее забытые и ушедшие вглубь слои сохраняют идеологическую (мифологическую) потенцию, продолжают реализовывать свою функцию и живут даже в своем отрицании.

Искусство

9. Развитие мифологической структуры отражается не только в политических процессах, но и в искусстве, локализирующем смысл мифа в ограниченном пространстве и, как результат, передающем его более четко и наглядно. Искусство может предвосхищать политические изменения, поскольку художник может быть более чувствителен к трансформации мифа, чем политик; оно также может отставать от этих изменений; чаще всего, однако, имеют место синхронность и взаимоподдержка. Художник при этом не является фотографом; на этапе трансформации он может увидеть или угадать движение глобального нарратива, в результате чего возникает особое искусство, ко-

¹ Р. Генон пишет: «Если принять во внимание то печальное состояние, в котором в эпоху распространения христианства пребывали страны Запада, входившие в состав Римской империи, то без „снисхождения“ Христианства на экзотерический уровень все эти страны вместе взятые в скором времени лишились бы всякой традиции, поскольку их собственные традиции, и особенно доминирующая греко-романская традиция, достигли точки предельного вырождения, что свидетельствовало о неминуемом и скором конце цикла их существования. Это „снисхождение“ не было ни случайностью, ни извращением, напротив оно носило „провиденциальный“ характер». (Генон Р. Христианство и инициация // Конец Света. Эсхатология и традиция / сост. А. Дугин. М., 1997. URL: <http://my.arcto.ru/public/guenon/guen-4.htm>).

торое отличается трансцендентностью и глубоким пессимизмом, достигающим уровня отрицания нарратива.

10. Главными качествами античной модели являются красота и бесстрастность (Венера Милосская). Красота представляет собой концентрированную природность, беспристрастность – отказ от воли (а значит, достоинства и индивидуальности), подчинение року, безличность. Отказ от индивидуальности предполагает акцент на отношении к роду (отсюда – нагота греческих статуй) и модели поведения. Эмоции в связи с этим отражают состояние тела, а не духа. Красивыми и бесстрастными являются и люди, и боги; боги просто в большей степени, чем люди, что подчеркивается их большим размером (высота статуи Зевса в Олимпии составляла 12–17 м). Все эти качества вытекают из мифа о происхождении мира и человека из материи.

11. Базовый уровень современной мифологии отражен в искусстве Ренессанса: средством выражения богоподобия человека выступает человекоподобие Бога («Сотворение мира» Рафаэля, образы Мадонны и Христа) и природы (аллегии, например «Весна» Боттичелли), а также принципиальное религиозно-интимное содержание искусства; средством выражения заложенной в достоинстве потенции – образы детей, прежде всего Христа; средством выражения вездесущности – индивидуальные, разнообразные и отделяющие от природы эмоции (улыбка Джоконды); средством выражения интереса к материи – контекст изображаемых событий, предполагающий многомерность, наполненность вещами и второстепенными персонажами, игру теней и т. п.

12. Миф о воле был трансформирован в XVI–XVII вв.: воля человека вытеснила волю Бога. Эта трансформация передается в работах голландской школы (Рембрандт, Вермеер, Рубенс), героями которых выступают не боги, а обычные бюргеры и солдаты. Своего рода политическим манифестом эпохи является картина «Ночной дозор» Рембрандта, символизирующая победу государства Нового времени, опирающегося на *граждан*, над феодальным порядком; монохромность этого произведения отражает политическую дихотомию (сосуществование двух полюсов – государства и гражданского общества). Другой школой, обслуживающей те же задачи, является французский классицизм, содержащий множественные отсылки к античности (Н. Пуссен, Ж.-Л. Давид).

13. Агентом второго уровня мифологической структуры выступает романтизм с его подчеркиванием сильных страстей и характеров (отсюда – расцвет маринеры), склонностью к экзотическому географическому контексту, в котором действуют *общие* законы жизни, подчеркнутой политической нейтральностью; по сути, речь идет о художественном оформлении и обосновании либеральной реформаторской программы. Более поздний импрессионизм является двойственным, причем не только содержательно, но и технически. С одной стороны, его можно определить как радость от *присвоения* мира; с другой – он выражает тоску по утраченному покою, попытку создания искусственного, автономного и защищенного внутреннего мира (отсюда – *буколизм*).

14. Третий уровень структуры образует идея злой воли, стигматизирующая человека в целом. Его художественным выражением являются абстракционизм (В. Кандинский), сюрреализм (Ж. Миро, С. Дали), концептуализм (И. Кабаков), которые либо в принципе отказываются изображать человека (отказывая, таким образом, ему в онтологическом статусе), либо изображают его в деформированном (искаженном, расчлененном) виде. Более поздние поп-арт (Э. Уорхол) и гиперреализм (Г. Рихтер) представляют собой робкое и постепенное преодоление шока: художник символически отказывается от собственной воли и лишь соприкасается с реальностью и фиксирует ее (но ни в коем случае не осмысливает ее и не пытается на нее воздействовать).

15. Агентом четвертого уровня (неолиберализма) является не живопись, а кино. Речь идет не только о необходимом следствии технического прогресса. Во-первых, использование нового средства символизирует разрыв (мнимый) с мифами первого и второго уровней. Во-вторых, благодаря своей способности изображать *движение* и *транслироваться* кино более мифологично, чем живопись, и, как результат, сильнее воздействует на реальность (искажает ее). В-третьих, выступая в качестве *лич-*

ного пространства, оно насыщает реальность, обедненную в результате капиталистической унификации, и таким образом примиряет с ней. В-четвертых, артикулируя любой протест, оно дискредитирует, завершает и исключает его из политической жизни.

16. Агентом пятого уровня является Интернет и иные формы виртуальной реальности (например, компьютерные игры). Они меняются с человеком местами, т. е. становятся субъектом, воздействующим на внимание, интеллект, волю и поведение человека, который в результате становится *произведением*, т. е. вещью, лишенной самости. Виртуальная реальность развивает качества кино, но добавляет к ним сигнальную функцию (формулирует конкретные и прямые требования). Содержание виртуальных продуктов при этом не имеет большого значения, поскольку их главная функция состоит в том, чтобы запустить моторику и рефлексии и таким образом подавить волю человека и *изъять* его из социума (а не перестроить социальные процессы).

Политика

17. Последовательности, связующие политические формы и религиозные мифы, как правило, длинные и неявные, но от этого не менее прочные. Так, хотя в историческом плане современное государство является продуктом буржуазных революций XVII в., в идеологическом плане оно является результатом эволюции христианских идей – прежде всего синтеза богоподобия и вездесущности (отсюда – его тоталитарность) и представления о дихотомии души и тела¹ (отсюда – его отделенность от гражданского общества). Эта *укорененность* обуславливает высокую устойчивость политических форм, неуязвимых даже для прямых атак, таких как Октябрьская революция 1917 г., и в конечном счете перестраивающих любые альтернативы по своему образу и подобию².

18. Чтобы сохранить свое влияние, миф должен мимикрировать, т. е. время от времени менять вторичные элементы. Миф о суверенитете не исключение. В XVII в. он опирался на идею преодоления угрозы частной войны (Гоббс); в XVIII в. – на идею защиты гражданских свобод (Локк); в XIX и начале XX в. – на идею социального и научного прогресса (либерализм); после Второй мировой войны – на идею борьбы с тоталитаризмом, идею социальной защиты и обновленную идею прогресса; в конце XX в. – на идею борьбы с терроризмом и идею защиты национального достояния; в настоящее время все в большей степени – на идею борьбы с естественными угрозами (природными катастрофами и эпидемиями).

19. Мимикрия мифа предполагает не только акцент на новой угрозе, но и генерирование этой угрозы, которое осуществляется самим мифом на предыдущем этапе: редуцируя отдельный аспект реальности, миф вызывает его возмущение, после чего мимикрирует и приступает к исправлению реальности за счет других аспектов. Так, борьба с угрозой частной войны потребовала ограничения свобод, которое стимулировало борьбу за гражданские права, которая запустила либеральную реформу, которая спровоцировала мировые войны, которые проложили дорогу неолиберализму, который вызвал новую волну агрессивного национализма и т. д. Технологии позволяют генерировать угрозы исключительно информационными средствами.

20. Перезапуск мифа обычно предполагает *демократический выбор*, призванный обеспечить его легитимность. Данный выбор представляет собой манипуляцию: отказ от старой формы мифа всегда *предрешен*, поскольку большинство людей способны осознать негативное воздействие мифа и *всегда* хотят перемен; призыв к изменениям лишь активизирует этот инстинкт. Момент и направление изменений, однако, каждый раз определяются сувереном (политическими элитами), который использует общее неоформленное неудовольствие в своих интересах и под предлогом спасения вводит новые формы угнетения и отчуждения либо, будучи неспособным на это, имитирует реформу; социальный протест таким образом сублимируется и преодолевается.

¹ «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2.7).

² Л. Д. Троцкий определял СССР как «буржуазное государство, хотя и без буржуазии» (Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017).

21. Меньшинство, как правило, может *озвучивать* свое недовольство, но на этом его возможности противодействия заканчиваются: арифметический расчет выступает как *ultima ratio*, а участие в процессе снимает вопрос о нереализованном субстанциональном интересе. Демократия, таким образом, работает за счет меньшинства и часто *обращена против него*. Иные принципы власти защищают меньшинство в большей степени: так, монархический принцип предполагает ответственность монарха перед *всеми и каждым* и, соответственно, защищает меньшинство даже от угрозы со стороны большинства. Альтернативы либерализму – консерватизм и марксизм – также не опираются на принцип большинства.

22. Юриспруденция является особой формой фиксации мифа, так же как религия, наука, искусство и т. д. В отличие от последних она апеллирует к ценности порядка, страху перед насилием и окружает себя аурой математической рациональности и открытости. Благодаря этим особенностям она исключает дискуссию об основаниях (например, о состоятельности идеи суверенитета или прав человека) и, наоборот, генерирует большое количество второстепенных споров и аргументов. Как результат, правовой дискурс становится интенсивным и насыщенным, но при этом поверхностным, а профессия юриста оборачивается своей противоположностью: вместо того, чтобы искать истину и справедливость, юрист отстаивает ложь.

23. Политическая эмансипация (как и любая иная) предполагает преодоление мифа; главными качествами правителя в связи с этим должны быть стремление к истине (нередуцированной реальности), ориентация на общее благо и отказ от любых *программ и конституций* (поскольку они мифологизируют политику). Данный идеал был описан Платоном в диалоге «Государство»¹ и позднее воспринят Руссо; его практическая возможность, однако, остается открытой, поскольку предполагает идеологические альтернативы, социальные ниши, доступ к ресурсам, народную поддержку и отсутствие серьезного сопротивления – факторы, которые, как правило, отсутствуют или подавлены. Кроме того, данная возможность почти не подтверждается историей.

24. Возможно, главная проблема состоит в том, что политика (если под ней понимать управление) не только подвержена влиянию мифа, но и сама является мифом, поскольку в ее основе лежит признание права руководить за одним человеком и обязанности подчиняться за другим, в то время как каждый склонен и к руководству, и к подчинению (а в пределе *не склонен ни к тому, ни к другому*). Это качество политики не затрагивается изменением задач правителя или предъявлением к нему новых этических требований. Единственным выходом, таким образом, является изменение самой сути политической коммуникации; политика должна стать *общением*, в котором содержательно участвует каждый гражданин².

Миф *per se*

25. Вопрос о том, как возник миф и почему мышление человека мифологично, не менее важен, чем вопрос о происхождении человека, – точнее, эти вопросы сходятся и предполагают один ответ, возможно, в одинаковой степени религиозный и естественно-научный. Если мы попытаемся получить этот ответ, оставаясь в действующей (мифологической) системе координат, едва ли эта попытка увенчается успехом, а даже если и так, едва ли понимание *устройства* тюрьмы обеспечит освобождение

¹ По Платону, править государством должны философы, т. е. «люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы», те, кому «свойственны возвышенные помыслы и охват мысленным взором целокупного времени и бытия»; «ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не станет племя философов...» (Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013. С. 866, 867, 880).

² «Всякое государство представляет собой своего рода общение» (Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376). «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым существом; лишь тогда, когда человек познает и организует свои „собственные силы“ как общественные силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде политической силы, – лишь тогда свершится человеческая эмансипация» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 406).

(возможно, оно вызовет отчаяние или стимулирует заключить союз с тюремщиком). Таким образом, более важным выглядит вопрос об освобождении, после ответа на который устройство тюрьмы станет безынтересным.

26. Мифологическая структура эффективно организует порядок, предлагает каналы для расходования жизненной энергии, необходимые для этого стимулы и т. д. В связи с этим ее преодоление может показаться бессмысленным. Проблема, однако, состоит в том, что реальность, обустроиваемая мифом, отличается от подлинной реальности, доступ к которой закрывается. Как бы ни был отчужден и подавлен человек, он осознает присутствие этой другой реальности, искусственность роли, навязанной мифом, и собственное бессилие; стремится освободиться из-под власти мифа и, не будучи способным сделать это, страдает; миф при этом искажает даже само страдание. Таков психологический уровень проблемы, помимо которого существуют иные, более глубокие уровни.

27. Обоснование мифа культурологически детерминировано: миф может апеллировать к вере, порядку, самореализации, науке и др. Все эти обоснования, однако, также являются мифами, поскольку в их основе каждый раз лежит чистое желание жить (взаимодействовать с реальностью). Данное желание предполагает идентификацию с собственным телом и интерес к материи, что, *возможно*, также является мифом, поскольку и тело, и материя склонны к разрушению. Отсюда – дихотомическое и противоречивое восприятие человеком самого себя: он не считает себя ни материей, ни чистым духом, ни вечным, ни смертным и мыслит сразу на нескольких уровнях; происходящая в нем внутренняя борьба является еще одним препятствием для освобождения.

28. Отвергать миф – значит отвергать свое тело и свой интерес к реальности. В связи с этим редуцирующий механизм мифа ослабевает с возрастом или во время болезни; человек, однако, редко способен сделать твердые выводы; как только болезнь отступает, миф вновь захватывает сознание, апеллируя к привычке. Этот механизм также ослаблен у тех, кто не идентифицирует себя с телом: монахов, аскетов, сумасшедших и просто отчаявшихся людей. Утрата интереса к реальности предполагает отказ от воздействия на нее; поэтому праведники едва ли могут стать правителями; платоновский идеал правителя, таким образом, оказывается уязвимым; более того, управление, предполагающее интенсивное взаимодействие с реальностью, препятствует праведности.

29. Матрица мифа действует во всех сферах, зачищая, насыщая и постепенно заполняя своими производными все социальное пространство. В сфере политики и права такими производными являются суверенитет и права человека; в сфере экономики – деньги и юридические лица; в сфере культуры – антропоцентрическая живопись и роман; в сфере философии – рационализм и эмпиризм и т. д. Стабильность производных обеспечивается не только действием первичного мифа (движением из глубины), но и взаимоподдержкой. Любая социальная альтернатива бессмысленна, если она не бьет в центр паутины – по первичному мифу. Источником альтернативы в связи с этим должна быть не менее сильная (глубокая) идея, возможность которой неочевидна.

30. Для внутреннего наблюдателя (т. е. для обычного человека) глобальный нарратив выглядит как горный хребет, окутанный туманом: резкими являются только мифологическая структура и формируемое ею пространство; все, что вокруг, наоборот, размыто. Как результат, интеллектуальная и политическая деятельность ограничена пределами нарратива. Это правило распространяется и на протест: хотя мифологическая структура может быть определена как зло, альтернатива почти всегда неразборчива и может быть определена только от противного. Отсюда – неясность позитивной части критических учений: философских (например, ницшеанства); политических (например, марксизма); правовых (например, критической теории) и т. д.

31. Отношению к реальности предшествует ее название. Эти процессы связаны: название определяет отношение, и наоборот. Именуя фрагменты реальности, мы организуем ее из хаоса, создаем ее контурную карту, которую в дальнейшем нам предстоит раскрасить. Гностическая проблема, связанная с названием, состоит в том, что, именуя хаос, мы *вовлекаемся* в него, отрываемся от Плеромы (божественной

полноты) и утверждаем самость (точнее, ее иллюзию). Язык, таким образом, выступает инструментом и матрицей *отчуждения*. Истинная поэзия (например, скальдическая) разрушает имена, смешивает фрагменты реальности, воссоздает изначальный хаос и тем самым преодолевает отчуждение.

32. Язык распределяет фрагменты реальности по локациям, но поскольку реальность и восприятие являются нестабильными, обозначенный фрагмент со временем может покинуть определенную для него локацию, а его место может занять другой объект. Язык пытается решать эту проблему при помощи общих понятий, эволюционного толкования, исключений из правил и т. п., но любое такое решение уязвимо. Бесконечное движение реальности и восприятия влечет за собой все большее усложнение и обесценивание языка и в пределе порождает симулякры, т. е. слова, не настроенные на какую-либо локацию (постмодерн). Умножение симулякров является симптомом скорой трансформации мифологической структуры.

Список литературы

Алексеев Д. Античное христианство и гностицизм // Евангелие истины: двенадцать переводов христианских гностических писаний. Ростов н/Д, 2008.

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4.

Генон Р. Христианство и инициация // Конец Света. Эсхатология и традиция / сост. А. Дугин. М., 1997. URL: <http://my.arcto.ru/public/guenon/guen-4.htm>.

Гомер. Одиссея / пер. В. Жуковского. М., 1981.

Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 1.

Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2013.

Толстых В. Л. Международное право как мифология // Российский юридический журнал. 2019. № 2.

Толстых В. Л. Пять уровней международно-правовой мифологии // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 3–4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1472>; <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1506>.

Троцкий Л. Д. Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет? М., 2017.

Rudolph K. Gnosis: the Nature and History of Gnosticism. San-Francisco, 1987.

References

Alekseev D. Antichnoe khristianstvo i gnostitsizm // Evangelie istiny: dvenadtsat' perevodov khristianskikh gnosticheskikh pisanii. Rostov n/D, 2008.

Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. M., 1983. T. 4.

Genon R. Khristianstvo i initsiatsiya // Konets Sveta. Eskhatologiya i traditsiya / sost. A. Dugin. M., 1997. URL: <http://my.arcto.ru/public/guenon/guen-4.htm>.

Gomer. Odisseya / per. V. Zhukovskogo. M., 1981.

Jonas G. Gnostitsizm. SPb., 1998.

Marks K., Engel's F. Sochineniya. M., 1955. T. 1.

Platon. Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome. M., 2013.

Rudolph K. Gnosis: the Nature and History of Gnosticism. San-Francisco, 1987.

Tolstykh V. L. Mezhdunarodnoe pravo kak mifologiya // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 2.

Tolstykh V. L. Pyat' urovnei mezhdunarodno-pravovoi mifologii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2019. № 3–4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1472>; <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1506>.

Trotsky L. D. Predannaya revolyutsiya. Chto takoe SSSR i kuda on idet? M., 2017.